

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-64-79

УДК 94(47).084

«СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: РАСЧЕТЫ, УСПЕХИ И ПРОСЧЕТЫ

Хубулова Светлана Алексеевна

Ставропольский государственный педагогический институт
(филиал в г. Ессентуки),
Ессентуки, Россия
hubul@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы реализации «советского проекта» на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. Анализ литературы позволил прийти к выводу, что данная проблематика, несмотря на очевидную актуальность, по-прежнему исследована недостаточно полно. Между тем от взаимодействия федерального центра и регионов зависит правильность принимаемых решений и их успешная реализация. Целью статьи является анализ историографической ситуации вокруг истории рецепции «советского проекта» на территории северокавказских субъектов в межвоенный период.

Разнообразие толкований как термина «советский проект», так и механизмов его претворения не позволяет сложиться единой концепции, что в конечном счете вносит диссонанс в исследование проблемы. Данная статья носит постановочный характер, т.к. предполагается обозначить основные тенденции в исторической науке, связанные с изучением модернизации как более общей проблемы советской социально-экономической и культурной жизни 1920–1930-х гг. Анализ литературы и архивных источников позволил прийти к выводу, что интеграция региона в социокультурное пространство страны дала определенные положительные результаты. Однако искусственное уравнивание этносов, стоявших на разных ступенях общественной жизни, привело к просчетам в проводившихся преобразованиях, а следовательно, краху многих начинаний, часто идущих вразрез с традиционными формами жизни горского аула, что вызывало напряжение между населением и властью.

Ключевые слова: «советский проект», модернизация, реформы, Северный Кавказ, достижения, просчеты, советизация.

THE “SOVIET PROJECT” IN THE NORTH CAUCASUS: ESTIMATES, SUCCESSES AND MISCALCULATIONS

Khbulova Svetlana A.

Stavropol State Pedagogical Institute (branch in Yessentuki),

Yessentuki, Russia

hubul@yandex.ru

Abstract. The article examines the implementation of the “Soviet project” in the North Caucasus in the 1920s–1930s. The analysis of the literature allowed us to come to the conclusion that this problem, despite its obvious relevance, is still insufficiently investigated. Meanwhile, the correctness of the decisions taken and their successful implementation depend on the interaction of the federal Center and the regions. Based on this, the purpose of the article is to analyze the historiographical situation around the history of the reception of the “Soviet project” on the territory of the North Caucasian subjects in the interwar period. The variety of interpretations of both the term “Soviet project” and the mechanisms of its implementation does not allow a single concept to develop, which ultimately introduces dissonance into the study of the problem. This article is staged, because it is supposed to study the main trends in historical science related to modernization as a more general problem of Soviet socio-economic and cultural life of the 1920s–1930s.

The analysis of literature and archival sources led to the conclusion that the integration of the region into the socio-cultural space of the country has given certain positive results. However, the artificial equalization of ethnic groups that stood at different stages of public life led to miscalculations in the ongoing transformations, and, consequently, the collapse of many initiatives, often going against the traditional forms of life of the mountain village, which caused tension between the population and the authorities.

Keywords: “Soviet project”, modernization, reforms, North Caucasus, achievements, miscalculations, sovietization.

Цитирование: Хубулова С.А. «Советский проект» на Северном Кавказе: расчеты, успехи и просчеты // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 64–79. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-64-79 / Khbulova S.A. The “Soviet Project” in the North Caucasus: Estimates, Successes and Miscalculations, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 64–79. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-64-79.

© Хубулова С.А., 2023

Чем дальше отстоит современная Россия от XX в., тем актуальнее становится его история, связанная в числе прочего с советским прошлым. В науке сформировалось направление, получившее название «история советскости». Оно нашло как почитателей, которые ностальгируют по советскому прошлому, так и оппонентов, не видящих положительных результатов от деятельности коммунистической партии и государства. Новые методологические подходы позволяют избавиться от марксистско-коммунистических трактовок социально-экономических, политических и культурных процессов советского периода и предложить их современную интерпретацию. Исследование природы приложения советских планов на периферии России проводится и для того, чтобы объективно оценить их значение в процессе оформления социалистического строя как исторического феномена.

Среди разнообразия тематик привлекает внимание государственная политика СССР в 1920–1930-е гг., заложившая основы развития всех областей жизни. В этот период вырисовывались контуры будущего устойчивого развития большой страны и ее многонационального населения.

Распространяя на все регионы унифицированные планы, центральная власть преследовала цель создания единого социально-экономического и культурного пространства для дальнейшего построения социализма. Данный замысел, получивший название «советский проект», наряду с несомненными достижениями имел и негативные последствия для регионов.

Прежде всего, остановимся на самом термине «советский проект», который проецируется на большой исторический отрезок советской истории и который, по сути, формировал основу всей последующей истории страны.

Термин этот зародился еще в 1920-е гг., вызвал негативную реакцию как у большевиков, которые считали, что такое определение советского строительства порочит саму революционную идею, так и у ее противников, указывавших, что большевики – волюнтаристы, нарушившие естественный ход истории путем произвола [Вернадский, 1997; Карсавин, 1993; Струве, 1990].

Вновь о нем заговорили уже в 1990–2000-е гг., когда многие вопросы советской истории стали переосмысливаться, хотя до сих пор концептуально обоснованного наполнения содержания самого понятия «советский проект» нет. По мнению В.В. Стебляка, это леворадикальный проект, который нес в себе коды православной культуры и во главу угла поставил идею социальной справедливости [Стебляк, 2014, с. 194]. А.Н. Медушевский считает, что «его основным внутренним противоречием стала избранная идеология, поскольку в качестве светской теократии он имел двойную легитимность – квазирелигиозную (вера в неизбежное торжество коммунизма во всем мире) и рациональную (отсылка к законам исторического процесса, которые доказываются научно и могут быть положены в основу планомерной и целенаправленной социальной практики по конструированию нового общества)» [Медушевский, 2017, 2019]. Л.И. Семенникова убеждена в невозможности включения общества в какой-либо проект, т.к. общественное функционирование – процесс

многосложный, не линейный, и предсказать его результаты невозможно [Семенникова, 2015].

Основные послылы «советского проекта» можно рассмотреть через ряд современных теорий. Принимая тот факт, что он предполагал полное реформирование общества 1920–1930-х гг., прежде всего следует обратить внимание на теорию модернизации и ее производные, позволяющие давать объективную оценку происходящим процессам. И тут вновь приходится столкнуться с новыми методологическими лакунами. Не утихают споры вокруг понятия «модернизация», авторство приписывают нескольким исследователям, однако лишь с натяжкой их можно указать как родоначальников этой теории.

Г. Спенсер считал, что закон органического прогресса имеет распространение не только на природу, но и общество, эволюционируя от простого к сложному через совокупность дифференцирований [Спенсер, 2019, с. 24]. Э. Дюркгейм анализирует многообразие трудовых отношений и их связь с традициями [Дюркгейм, 1995, с. 167], но ничего не говорит о модернизационном переустройстве общества. С. Хантингтон определил локальную/национальную модель модернизации, которая соответствует интересам национального государства. Исходя из этого, автор делает вывод о разнообразии типов модернизации, поэтому нет единой модели, которая может быть использована в качестве эталона [Хантингтон, 2003]. Каждое общество, по мнению ученого, само решает, по какому типу модернизации ему развиваться.

Дж. Смит, специалист по советской истории, допускает участие местной элиты в приспособлении положений «советского проекта» в свою пользу через националистические настроения [Смит, 2001].

Френсис Хирш, которая также успешно занимается вопросами советской истории, привлекла большой пласт разнообразных источников, показывая, каким образом формировались политические решения федерального Центра. По мнению исследовательницы, основой «советского проекта» стали марксистское учение о стадийности развития и ленинская теория о роли партии большевиков в ускорении социально-экономического развития всех этносов, населяющих Россию [Хирш, 2022].

В отечественной науке теория модернизации также получила развитие. Не останавливаясь на подробном обзоре научных школ и направлений, отметим лишь наиболее известные позиции. Многие вопросы социалистического строительства рассматривались в советской историографии, но по известным причинам они трактовались в канонах того времени. На современном этапе проблематика вновь стала актуальной.

Л.И. Семенникова дает характеристику советской модели модернизации и указывает, что она была направлена на формирование социалистического справедливого строя, а неожиданным результатом стал тоталитаризм [Семенникова, 2015].

С.Г. Кара-Мурза, один из теоретиков советской теории модернизации, считает, что формирующийся в 1920-е гг. «советский проект» является одним из типов современной модернизации [Кара-Мурза, 2013]. Исследователь указывает на

возможность использования в современной модернизации элементов, взятых из советского сценария 1920–1930-х гг. Однако в его работах нет четкого представления о составляющих термина «проект» [Кара-Мурза].

Изучивший последствия революций 1917 г. и последовавшего социалистического реформирования В.П. Булдаков указывает на болезненность проявлений «советского проекта», а также на то, что национальный вопрос в России был многофакторным и «в принципе исключал единое для всех решение» [Булдаков, 2010, с. 144].

В теории модернизации появилось новое направление – фрагментарная модернизация. Она характеризуется как особый гибридный вид, анализируя который можно составить представление о целостном образе процесса [Побережников, 2013; Федотова, 2000; Максимова, Лямцева, 2011; Бондарев, 2005]. Проекция данной концепции на российские регионы позволяет анализировать в целом ситуацию на периферии.

Региональные особенности претворения «советского проекта» изучены в ряде работ современных исследователей. Так, по мнению исследователя Д.А. Аманджоловой, «социокультурные особенности, организационно-политический опыт взаимоотношения националов с центром и поведенческие модели регионального социума влияли на советское строительство, обуславливая специфику власти» [Аманджолова, 2019, с. 18].

В развитие данной концепции коллектив авторов другого значимого труда констатирует, что изменение идеологических, управленческих, культурных и социальных практик привело к оригинальному воплощению большевистского проекта. Авторы изучали идеологию и практику советского национального проекта, противоречия межкультурной интеграции общества как совокупность социальных технологий, выработавшихся во многом ситуативно и служивших как текущим задачам, так и стратегическим ориентирам власти в их взаимодействии. Обращение к разным сферам и направлениям реализации советского национального проекта позволяет представить плюралистические возможности интерпретации и понимания культурно-разнообразного в своем содержании и проявлениях общества, приобретавшего усилиями власти разные темпы гражданской консолидации и этнокультурной самореализации [Аманджолова и др., 2021].

На современном этапе рассмотрения темы рецепции «советского проекта» в субъектах Северного Кавказа стали появляться пионерские работы, которые проливают свет на некоторые научные лакуны [Бугай, 1994; Матвеев, 2017; Клычников, 2017; Скорик, Бондарев, 2007; Дзамихов, 2000; Гутиева, 2010]. Исследователи единодушны в том, что надо избегать утвердившегося в советское время посыла о «едином потоке», предполагавшего нивелирование региональных особенностей в культурном развитии этносов Северного Кавказа.

Через проблему социально-культурного синтеза к вопросу реализации начертаний центральной власти подошел известный историк А.Х. Боров, который провел всесторонний анализ составных частей российско-кавказского исторического

процесса. Он указывает, что ведущим фактором интеграции северокавказских народов в общесоюзные процессы являлась их политико-идеологическая «советизация», которая отрицала проявление и сохранение в горской среде традиционных элементов общественной, культурной и хозяйственной жизни. Процесс занял межвоенный период, проходя от решения административных и политико-идеологических преобразований 1920-х гг. до полного разрушения экономики горского аула и этносоциальной структуры общества [Боров, 2007; Боров, Кочесоков, 2011].

К интересным выводам пришли кубанские исследователи, рассмотревшие вопросы национальной политики на Северном Кавказе и в Крыму в 1920-е гг.: «Формирование автономий на Северном Кавказе в 1920-х гг. диктовалось мотивами интеграции полиэтничного Советского государства, а не намерением повысить статус моноэтнических автономий. Выбор конкретных форм автономий диктовался интересами центральной власти, а не партикуляризмом отдельных субъектов федерации» [Касьянов, Баранов, Ишин, Рожков, 2022]. Сделанный вывод позволяет усмотреть ошибочность проводимых центральной властью решений, не отвечавших запросам этносов, а следовательно, снижавших объем ожидаемых результатов.

На наш взгляд, историки региона обстоятельно занимаются проблемой, чрезвычайно важной для целостного видения национальной истории, которую можно представить как проблему континуитета и прерывности, или же как проблему идентичности ее исторического субъекта [Гатагова, 2007; Вайнахи и имперская власть, 2011; Аккиева, 2018; Баранов, 2019; Хубулова, 2021; Аверьянов, 2020].

Исследовательский процесс изучения реализации «советского проекта» на Северном Кавказе основной своей задачей ставит объединение разрозненных составляющих в стройную систему. В этом большим подспорьем стал полидисциплинарный подход, который наряду с конкретно-историческими методами позволяет рассмотреть спектр проблем с разных сторон.

Северный Кавказ, представлявший в 1920–1930-е гг. поликультурный регион с разноуровневым развитием, также стал полигоном для проведения социалистических преобразований не только в экономической, но политической, культурной и национальной сферах. Механизм и результаты реализации «советского проекта» на материалах региона не получили должного развития, хотя актуальность темы связана с потребностью изучения концептуальных подходов к самому процессу и объективному анализу региональных проблем в рамках исторического дискурса.

Реконструкцию исторического фона и условий осуществления государственных проектов возможно проводить на двух уровнях: на общесоюзном, который намечает основные векторы, и региональном, подстраивающем их под свои условия. Именно последнее было крайне сложным делом, т.к. регион отличался от Центральной России и не мог в «чистом» виде перенимать ее опыт. К этому следует добавить и то, что внутри региона к началу XX в. существовал набор экономических укладов (родовой, феодальный, мелкобуржуазный, капиталистический), которые большевики стремились искусственно нивелировать, преследуя цели социально-политического и национального характера.

Однако проводимые мероприятия подчас наталкивались на глухое противодействие местного населения, создавая нередко разрушительные политические коллизии, приводившие в движение социальные группы и даже этносы, с чем центральная власть жестко боролась, не понимая или не желая понять, что нет универсального плана социального развития для всего государства.

Упор на политико-идеологическую составляющую в деле интеграции народов Северного Кавказа в общесоюзное советское пространство в итоге привел к тому, что построение социалистического общества в принципе отринуло традиционные культуры, диктуя их ликвидацию и создание на обломках однотипного пространства.

Наглядно данные тенденции дали о себе знать в 1920-е гг., когда стали происходить административно-политические реформы. Созданная в 1921 г. Горская АССР на время отвечала этому: «И наша задача: объединить эти народности в одно политическое, хозяйственное целое. Создать между ними братское единение; спаять в одну дружную трудовую семью рабочих, крестьян, казаков, горцев и всех трудящихся. Эти две задачи, стоящие перед нами, должны быть разрешены, и они будут разрешены» [Власть труда, 1925, 5 февраля]. Однако «братское единение» долгое время не складывалось, и были на то весомые причины, прежде всего земельные неурядицы. Политические предпочтения тогдашних большевистских вождей способствовали тому, что разрешение аграрного вопроса шло силовым путем. Так, в 1918 г. по приказу комиссара Юга России С. Орджоникидзе были изгнаны со своих земель казаки ряда станиц Терской области, а их место заняли жители некоторых коренных этносов, которые оказали поддержку терпящим большие потери красноармейским отрядам [ГАРФ, ф. 1235, оп. 95, д. 518, л. 23–23об.]. Как указывал современник событий: «На Тереке советская власть может быть прочной хотя бы временно только при условии разрешения земельного вопроса, т.е. уничтожения казачьих клиньев на горской территории, что должно повести к выселению с горской территории до 15 казачьих станиц. Та власть, которая решится на эту меру, приобретает прочные симпатии горской бедноты...» [Аграрная модернизация и крестьянство Северного Кавказа..., 2017, с. 43].

Перекрыжка территориальных границ нередко осуществлялась функционерами, не имевшими подобного опыта работы, а также излишне прямолинейными и нетерпеливыми [Очерки истории..., 2014, с. 148]. Необдуманные действия властей привели к тому, что изменение границ нередко оставляло часть автохтонного населения за пределами административных и национальных границ, что на долгие годы создало серьезные перекосы в национальной политике СССР на Северном Кавказе. Это была ловушка, «которая начала действовать уже в ходе размежевания Терской области» [Ингуши, 2013, с. 72], что порождало осложнение ситуации и напряжение между соседними этносами. Например, на земельной почве обострились отношения между осетинами и кабардинцами, ингушами и казаками.

В 1920-е гг. невиданного размаха достиг так называемый «политический бандитизм», который стал порождением ошибочной политики властей в регионе: «Один из путей преодоления бандитизма, — указывалось в предписании Горского СНК на

места, – твердая и решительная борьба с посредничеством бандитизму и одновременно с этим ликвидация бандитизма военной силой. Ответственность населения за бандитизм в его районе. За каждого убитого сотрудника, красноармейца в районе селения отвечает все население, причем соввласть не должна останавливаться в таких случаях перед крайними мерами» [ГАНИ РСО-А, ф. 1849, оп. 5, д. 1346, л. 90].

В 1920-е гг. укрепление позиций большевиков шло за счет опоры на отдельные личности, «выдвинувшиеся, иногда случайно, из среды горских народностей» [ГАНИ РСО-А, ф. 1848, оп. 1, д. 34, л. 217]. Учитывая необходимость создания сильных революционно настроенных социалистических кадров из среды безземельных и малоземельных, эта политика уделяла недостаточно внимания анализу внутринациональных и родовых отношений. В результате все усилия центральной власти, а вслед за ней и местной, сводились к прямой опоре на сильные родовые группы [Хубулова, 2003]. Тайповая организация сельского населения мешала проводить классовый принцип: во главе союзов нередко стояли люди весьма состоятельные, и любое посягательство на их собственность расценивалось как вмешательство властей в дела тайпа и вызывало острые формы недовольства¹.

Серьезные опасения властей вызывало отношение к новым порядкам со стороны местного населения: оно колебалось от восторженного до отрицательного, особенно по отношению к тем чиновникам, которые совершали неправильные действия. В политических донесениях надолго закрепилось следующее определение ситуации в регионе: «В выборной кампании преимущественно интеллигенция и кулаки выступают с лозунгами: «Не надо нам коммунистов, они ничего не сделали для народа» [ГАНИ РСО-А, ф. 4. оп. 1. д. 19. л. 86об.]. Сами большевики признавали, что методами, принятыми в центральных регионах России, на Кавказе нельзя пользоваться: «Наши ошибки: 1. Технические ошибки в продналоге, технические ошибки в связи с проходом воинских частей, принесшие большие убытки населению. 2. Это экспедиции воинских частей... по мотивам, явно неосновательным. Экспедиции терпят крах, но они осложнили положение в Нагорном районе, возбудив взрыв национализма и организованную, но скрытую самооборону» [ГАНИ РСО-А, ф. 1849, оп. 2, д. 32, л. 230].

Перестройка аграрного сектора также имела дискретный характер, отличалась непоследовательностью, волюнтаризмом, проводимые мероприятия давали непредсказуемые результаты.

Подобные шатания были связаны с тем, что складывавшиеся не одно столетие принципы жизнедеятельности крестьянства, подкрепленные национальными традициями, предполагалось подчинить социалистическим законам одномоментно. А если этого сделать не удастся, то разрушить их и строить на развалинах другие общественные отношения. Новая власть пыталась противостоять частнособственническим

---

¹ Например, в с. Кантышево, Далаково вспыхнули выступления населения из-за попыток местных властей привести в соответствие с общероссийскими законами налоговую систему в Чечне и Ингушетии.

наклонностям крестьянства путем кооперирования и создания колхозов: «Сделать совет каждой станицы, каждого села, каждого аула маленькой советской крепостью, где копошатся, где трудятся лучшие элементы деревни: рядовой коммунист, комсомолец, хлеборобы, женщины, врачи, агрономы, учителя трудятся для счастья трудящихся масс — вот наша задача» [Власть труда, 1925, 24 марта]. Однако форсирование процесса социалистического переустройства сельского хозяйства вызвало новый всплеск бандитизма. Нередко крестьяне, особенно середняцкая и зажиточная группы, выражали свое недовольство тем, что новая власть, стараясь сделать что-либо полезное для сельского населения, «не уважала крепкого хозяина». Если в центральных районах страны в 1918–1920 гг. экономическая мощь кулака была основательно подорвана, и осереднячивание происходило, главным образом, за счет сокращения кулацких слоев, то в национальных районах региона аграрная революция осуществлялась в эпоху нэпа в совершенно других условиях, когда кулак получил возможность, используя рыночную свободу, наращивать свою экономическую мощь.

Определенные успехи в культурном строительстве имели и обратную сторону. Как было отмечено, большевики стремились преодолеть тяготение населения к традиционным ценностям и культуре. Однако на первом этапе проведения «советского проекта» они не имели достаточного влияния и вынужденно считались с устоявшимися культурными практиками, но стремились растворить этническую идентичность в идеологической лояльности [Варнавский, 2018]. В 1930-е гг., когда власть твердо встала на ноги, она могла экспериментировать с национальными культурами, меняя, отрицая в них те составляющие, которые не вписывались в провозглашаемые лозунги построения единообразного государственного строя. Встречный процесс заключался в инкорпорации традиционной идентичности в «советский проект», становясь его составной частью [Варнавский, 2018, с. 114].

Итак, проводимые социально-экономические, политические и культурные реформы на территории Северного Кавказа в конечном счете способствовали реализации главной задачи «советского проекта» — искусственно уравнили хозяйственно-культурный уровень всех народов региона. Этот процесс состоял из двух этапов, каждый из которых имел свои задачи и результаты. В 1920-е гг. перед федеральной властью стояли задачи идеологического воздействия и политической стабильности регионов, т.к. в послевоенный период на Северном Кавказе сложилась напряженная обстановка, которая могла сказаться на авторитете новой власти и в целом на ее сохранении.

В 1930-е гг. на базе полученных результатов стала осуществляться вторая задача — коллективизация, углубление индустриализации, урбанизации и создание «нового» советского человека.

Таким образом, идеологический концепт советского проекта отрицал необходимость учета неоднородности проживавших в стране этносов, имевших не только разный экономический, но и культурный и общественный уровень развития. Претворяя в реальность основные конструкты проекта, большевики высоко подняли планку, что приводило к частичному или полному краху их реформаторских настроений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов А.В. «Восточные народности» Юга России в контексте советской национальной политики 1920–1930-х гг. // *Научная мысль Кавказа*. 2020. № 2(102). С. 60–67.
- Аграрная модернизация и крестьянство Северного Кавказа. 1917–1937 гг. Сборник документов и материалов. Т. 1. Сост. Э.В. Хубулова, С.А. Хубулова. Владикавказ: СОИГСИ, 2017. 219 с.
- Акиева С.И. Советская модернизация как детерминанта поселенческих и этнодемографических процессов в Кабардино-Балкарии с 1920 по 1940 г. // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 10. С. 72–77.
- Аманджолова Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. М.–СПб.: ИРИ РАН, 2019. 488 с.
- Аманджолова Д.А., Дроздов К.В., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М.: ИРИ РАН, Новый хронограф, 2021. 575 с.
- Баранов А.В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х годов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2019. 253 с.
- Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х–начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 580 с.
- Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: изд-во Кабардино-Балкарского университета, 2007. 98 с.
- Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Северный Кавказ в Российском цивилизационном пространстве: проблемы интеграции и синтеза // *Философские науки*. 2011. № 51. С. 43–60.
- Бугай Н.Ф. 20-е годы: становление демократических форм правления на Северном Кавказе // *Северный Кавказ: выбор пути национального развития*. Сборник статей. Майкоп: Меоты, 1994. С. 33–99.
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
- Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX–середина XX в.). Сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
- Варнавский П.К. Коренизация в Бурят-Монголии: как этничность встраивалась в советский модернистский проект? // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 4(34). С. 108–114.
- Вернадский В.И. Дневник 1938 года // *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира*. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 446–493.

Власть труда. 1925. 5 февраля.

Власть труда. 1925. 24 марта.

Гатагова Л.С. «К очередным задачам Горской республики» // *История народов России в исследованиях и документах*. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2. С. 284–305.

Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А). Ф. 4. Оп. 1. Д. 19.

ГАНИ РСО-А. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 34.

ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 32.

ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 5. Д. 1346.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 518.

Гутиева М.А. Формирование советской модели социально-экономического развития республик Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2010. № 4. С. 4–11.

Дзамихов К.Ф. Северный Кавказ и Россия: исторические циклы и переходные периоды // *Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых кавказоведов*. Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов-н/Д., 2000. С. 48–55.

Дюркгейм Э. Курс социальной науки // *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Юрайт, 2019. С. 243–303.

Ингуши. Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2013. 510 с.

Кара-Мурза С.Г. Крах СССР. М.: Алгоритм, 2013. 446 с.

Кара-Мурза С.Г. Новый советский проект. Тезисы. URL: <http://onfront.narod.ru/NSovPr1.htm> (дата обращения — 10 января 2023 г.).

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 350 с.

Касьянов В.В., Баранов А.В., Ишин В.В., Рожков А.Ю. Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. 450 с.

Клычников Ю.Ю. Российскость как форма исторического партнерства: ментальная и социокультурная предрасположенность участников на примере русско-северокавказских отношений // *Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы Международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 2017. С. 87–89.

Максимова Л.А., Лямцева Л.В. Российская модернизация (терминологические аспекты) // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 5. С. 140.

Матвеев В.А. Красный бонапартизм как разновидность политики и последствия ее проведения на Юге России (1917–1921 гг.). Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. 184 с.

Медушевский А.Н. Советский Проект социального конструирования: смысл, параметры реализации, итоги изучения // *История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России за рубежом*. Доклады Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 297–313.

Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

Очерки истории Северного Кавказа: XX век. Пятигорск; Ставрополь: ПГЛУ, 2014. 354 с.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся*. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. С. 246–274.

Семенникова Л.И. «Советский проект» как теоретический инструмент исследования отечественной истории // *Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество)*. 2015. № 2. С. 3–14.

Скорик А.П., Бондарев В.А. Теория фрагментарной модернизации: постулаты и исторический ландшафт // *Научно-педагогические школы ЮРГТУ (НПИ): История. Достижения. Вклад в отечественную науку*: Сб. науч. ст. Т. 2. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2007. С. 684–693.

Смит Дж. Национальное строительство и национальный конфликт в СССР в 1920-х годах // *Ab imperio*. 2001. № 3. С. 221–265.

Спенсер Г. *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор, 1998. 1407 с.

Стебляк В.В. Советский проект как уникальное явление в мировой культуре // *Омский научный вестник*. 2014. № 4. С. 194–197.

Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // *Из глубины*. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 5–18.

Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии*. 2000. № 4. С. 3–27.

Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003. 640 с.

Хирш Ф. *Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза*. М.: НЛО, 2022. 472 с.

Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX–первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития: дис. ... д. ист. наук. Владикавказ, 2003. 393 с.

Хубулова С.А. «Советский проект» и его реализация на Северном Кавказе в 1920-е гг. // *Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы Международной научно-практической конференции*. Краснодар: Традиция, 2021. С. 68–74.

REFERENCES

Averyanov A.V. "Vostochnye narodnosti" Yuga Rossii v kontekste sovetskoy natsional'noy politiki 1920–1930-kh gg. ["Eastern peoples" of the South of Russia in the context of the Soviet national policy of the 1920s–1930s], in *Nauchnaya mys' Kavkaza*. 2020. No. 2(102). Pp. 60–67.

Agrarnaya modernizatsiya i krest'yanstvo Severnogo Kavkaza. 1917–1937 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Agrarian modernization and the peasantry of the North Caucasus. 1917–1937 Collection of documents and materials]. Vol. 1. Comp. E.V. Khubulova, S.A. Khubulova. Vladikavkaz: SOIGSI, 2017. 219 p.

Akkieva S.I. Sovetskaya modernizatsiya kak determinanta poselencheskikh i etnodemograficheskikh protsessov v Kabardino-Balkarii s 1920 po 1940 g. [Soviet modernization as a determinant of settlement and ethno-demographic processes in Kabardino-Balkaria from 1920 to 1940], in *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul't.* 2018. No. 10. Pp. 72–77.

Amanjolova D.A. *Sovetskiy proekt v Kazakhstane: vlast' i etnichnost'. 1920–1930-e gg.* [Soviet project in Kazakhstan: power and ethnicity. 1920s–1930s]. Moscow–St. Petersburg: IRI RAN, 2019. 488 p.

Amanzholova D.A., Drozdov K.V., Krasovitskaya T.Yu., Tikhonov V.V. *Sovetskiy natsional'nyy proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika* [Soviet national project in the 1920s–1940s: ideology and practice]. Moscow: IRI RAN, New Chronograph, 2021. 575 p.

Baranov A.V. *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie Yuga Rossii v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki 1920-kh godov* [Economic and social development of the South of Russia under the new economic policy of the 1920s]. Krasnodar: Kuban. state un-t, 2019. 253 p.

Bondarev V.A. *Fragmentarnaya modernizatsiya postoktyabr'skoy derevni: istoriya preobrazovaniy v sel'skom khozyaystve i evolyutsiya krest'yanstva v kontse 20-kh–nachale 50-kh godov XX veka na primere zernovykh rayonov Dona, Kubani i Stavropol'ya* [Fragmentary modernization of the post-October village: the history of transformations in agriculture and the evolution of the peasantry in the late 1920s and early 1950s on the example of the grain regions of the Don, Kuban and Stavropol]. Rostov-on-Don: Publishing House of the SKNTs VSH, 2005. 580 p.

Borov A.Kh. *Severnnyy Kavkaz v rossiyskom tsivilizatsionnom protsesse* [The North Caucasus in the Russian civilizational process]. Nalchik: publishing house of the Kabardino-Balkarian University, 2007. 98 p.

Borov A.Kh., Kochesokov R.Kh. *Severnnyy Kavkaz v Rossiyskom tsivilizatsionnom prostranstve: problemy integratsii i sinteza* [North Caucasus in the Russian civilization space: problems of integration and synthesis], in *Filosofskie nauki*. 2011. No. 51. Pp. 43–60.

Bugai N.F. 20-e gody: stanovlenie demokraticheskikh form pravleniya na Severnom Kavkaze [1920s: formation of democratic forms of government in the North Caucasus], in *Severnnyy Kavkaz: vybor puti natsional'nogo razvitiya* [North Caucasus: choosing the path of national development. Digest of articles]. Maykop: Meoty, 1994. Pp. 33–99.

Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 969 p.

Vaynakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX–seredina XX v.) [Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (beginning of the 19th–middle of the 20th centuries)]. Comp. and ed. comments I.A. Zyuzina and others. Moscow: ROSSPEN; Foundation "Presidential Center B.N. Yeltsin", 2011. 1094 p.

Varnavsky P.K. Korenizatsiya v Buryat-Mongolii: kak etnichnost' vstraivalas' v sovetskiy modernistskiy proekt? [Indigenization in Buryat-Mongolia: how did ethnicity fit into the Soviet modernist project?], in *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2018. No. 4(34). Pp. 108–114.

Vernadsky V.I. Dnevnik 1938 goda [Diary of 1938], in *Sovetskoe obshchestvo: vozniknovenie, razvitie, istoricheskiy final. T. 1. Ot vooruzhennogo vosstaniya v Petrograde do vtoroy sverkhderzhavy mira* [Soviet society: emergence, development, historical finale. Vol. 1. From the armed uprising in Petrograd to the second superpower of the world]. Moscow: Izd-vo RGGU, 1997. Pp. 446–493.

Vlast' truda. 1925. February 5.

Vlast' truda. 1925. March 24.

Gatagova L.S. "K ocherednym zadacham Gorskoy respubliki" ["On the next tasks of the Mountain Republic"], in *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in research and documents]. Moscow: IRI RAN, 2007. Issue. 2. Pp. 284–305.

State Archive of Recent History of North Ossetia-Alania (GANI RNO-A). F. 4. Inv. 1. D. 19.

GANI RSO-A. F. 1848. Inv. 1. D. 34.

GANI RSO-A. F. 1849. Inv. 2.D. 32.

GANI RSO-A. F. 1849. Inv. 5. D. 1346.

GARF. F. 1235. Inv. 95. D. 518.

Gutieva M.A. Formirovanie sovetskoj modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya respublik Severnogo Kavkaza v 1920–1930-e gg. [Formation of the Soviet model of socio-economic development of the republics of the North Caucasus in the 1920–1930s], in *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. 2010. No. 4. Pp. 4–11.

Dzamikhov K.F. Severnyy Kavkaz i Rossiya: istoricheskie tsikly i perekhodnye periody [North Caucasus and Russia: historical cycles and transitional periods], in *Nauka o Kavkaze: problemy i perspektivy. Materialy I s'ezda uchenykh kavkazovedov* [Science of the Caucasus: problems and prospects. Materials of the I Congress of Caucasian scientists]. Ed. V.G. Ignatov. Rostov-on-Don, 2000. Pp. 48–55.

Durkheim E. Kurs sotsial'noy nauki [Course of social science], in *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. Pp. 243–303.

Ingushi [Ingush]. Rep. ed. M.S.-G. Albogachieva, A.M. Martazanov, L.T. Solovyov. Moscow: Nauka, 2013. 510 p.

Kara-Murza S.G. *Krakh SSSR* [The collapse of the USSR]. Moscow: Algorithm Publishing House, 2013. 446 p.

Kara-Murza S.G. *Novyy sovetskiy proekt* [New Soviet project. Abstracts]. Available at: <http://onfront.narod.ru/NSovPr1.htm> (accessed 10 January 2023).

Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. St. Petersburg: AO Komplekt, 1993. 350 p.

Kasyanov V.V., Baranov A.V., Ishin V.V., Rozhkov A.Yu. *Natsional'naya politika v Severo-Kavkazskom krae i Krymskoy ASSR, 1920-e gg.: institutsional'nyy i kommunikatsionnyy aspekty vzaimodeystviya vlasti i obshchestva: monografiya* [National policy in the North Caucasian region and the Crimean ASSR, 1920s: institutional and communication aspects of interaction between power and society: monograph]. Krasnodar: Kuban state. un-t, 2022. 450 p.

Klychnikov Yu.Yu. *Rossiyskost' kak forma istoricheskogo partnerstva: mental'naya i sotsiokul'turnaya predispolozhennost' uchastnikov na primere russko-severokavkazskikh otnosheniy* [Russianness as a Form of Historical Partnership: Mental and Sociocultural Predisposition of the Participants on the Example of Russian-North Caucasian Relations], in *Istoricheskaya pamyat' i kul'turnye simvol'y natsional'noy identichnosti. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Historical Memory and Cultural Symbols of National Identity. Materials of the International scientific conference]. Rostov-on-Don, 2017. Pp. 87–89.

Maksimova L.A., Lyamtseva L.V. *Rossiyskaya modernizatsiya (terminologicheskie aspekty)* [Russian modernization (terminological aspects)], in *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2011. No. 5. Pp. 140.

Matveev V.A. *Krasnyy bonapartizm kak raznovidnost' politiki i posledstviya ee provedeniya na Yuge Rossii (1917–1921 gg.)* [Red Bonapartism as a Variety of Politics and the Consequences of Its Implementation in the South of Russia (1917–1921)]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2017. 184 p.

Medushevsky A.N. *Sovetskiy Proekt sotsial'nogo konstruirovaniya: smysl, parametry realizatsii, itogi izucheniya* [Soviet Project of Social Construction: Meaning, Parameters of Implementation, Results of Study], in *Istoriya sovremennosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii za rubezhom. Doklady Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [History of Modernity: Information Resources, Methods and Research Practices in Russia Abroad. Reports of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. Pp. 297–313.

Medushevsky A.N. *Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noy mobilizatsii v XX veke* [Political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the twentieth century]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 656 p.

Ocherki istorii Severnogo Kavkaza: XX vek [Essays on the history of the North Caucasus: 20th century]. Pyatigorsk; Stavropol: PGLU, 2014. 354 p.

Poberezhnikov I.V. *Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen* [Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon], in *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2013. Pp. 246–274.

- Semennikova L.I. "Sovetskiy proekt" kak teoreticheskiy instrument issledovaniya otechestvennoy istorii ["Soviet project" as a theoretical tool for the study of national history], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2015. No. 2. Pp. 3–14.
- Skorik A.P., Bondarev V.A. Teoriya fragmentarnoy modernizatsii: postulaty i istoricheskiy landshaft [Fragmentary Modernization Theory: Postulates and Historical Landscape], in *Nauchno-pedagogicheskie shkoly YuRGU (NPI): Istoriya. Dostizheniya. Vklad v otechestvennuyu nauku* [Scientific and Pedagogical Schools of SRSTU (NPI): History. Achievements. Contribution to domestic science]. Vol. 2. Novocherkassk: YuRGU (NPI), 2007. Pp. 684–693.
- Smith J. Natsional'noe stroitel'stvo i natsional'nyy konflikt v SSSR v 1920-kh godakh [Nation-building and national conflict in the USSR in the 1920s], in *Ab imperio*. 2001. No. 3. Pp. 221–265.
- Spencer G. *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie* [Scientific, political and philosophical experiments]. Minsk: Sovremenny literator, 1998. 1407 p.
- Steblyak V.V. Sovetskiy proekt kak unikal'noe yavlenie v mirovoy kul'ture [The Soviet project as a unique phenomenon in world culture], in *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2014. No. 4. Pp. 194–197.
- Struve P.B. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsional'nye zadachi [The historical meaning of the Russian revolution and national tasks], in *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the depths. Collection of articles about the Russian revolution]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1990. Pp. 5–18.
- Fedotova V.G. Tipologiya modernizatsiy i sposobov ikh izucheniy [Typology of Modernizations and Ways to Study Them], in *Voprosy filosofii*. 2000. No. 4. Pp. 3–27.
- Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow: ACT, 2003. 640 p.
- Hirsch F. *Imperiya natsiy. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza* [Empire of Nations. Ethnographic knowledge and the formation of the Soviet Union]. Moscow: NLO, 2022. 472 p.
- Khubulova S.A. *Krest'yanstvo Severnogo Kavkaza v kontse XIX–pervoy chetverti XX v.: etnodemograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya* [Peasantry of the North Caucasus at the end of the 19th–first quarter of the 20th century: ethno-demographic and socio-economic aspects of development]: dis. ... d-r. ist. sciences. Vladikavkaz, 2003. 393 p.
- Khubulova S.A. "Sovetskiy proekt" i ego realizatsiya na Severnom Kavkaze v 1920-e gg. ["Soviet project" and its implementation in the North Caucasus in the 1920s], in *Vzaimootnosheniya sovetskoy vlasti i obshchestva pri realizatsii natsional'noy politiki 1920-kh gg.: istoricheskaya real'nost', pamyat', nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Relations between the Soviet government and society in the implementation of the national policy of the 1920s: historical reality, memory, heritage. Materials of the International scientific-practical conference]. Krasnodar: Tradition, 2021. Pp. 68–74.

Статья принята к публикации 14.02.2023